

Цукимори Сэйитиро был преждевременно состарившимся мужчиной 35 лет. Его соломенные светлые волосы поседел на висках, даже когда он распустил волосы из верхнего узла. Морщины беспокойства поселились на его лбу и в уголках глаз. Он нахмурился, увидев морщинки в уголках его рта, которые, как он знал, только усугубляли проблему. Эти следы старости возникли в течение многих лет, которые он провел, молча ведя переговоры и свою посольскую работу при короле Страны Луны.

Сейитиро не любил политику и поэтому не был одним из фаворитов короля. Его склонность никогда не приукрашивать и не лгать во благо не позволяла ему достичь политической власти; однако это была единственная причина, по которой король держал его при себе. Сейитиро был честен до отказа. Еще одной его неприличной чертой было то, что он говорил нечасто. Когда он стал старше, он понял, что большему можно научиться, слушая, а не говоря. Помогло также то, что если мужчина говорил редко, люди с большей вероятностью слушали то, что он говорил.

Хотя его разум помогал ему преодолевать более трудные ситуации, чем его тело, он все равно оставался крепким и сильным. Сейитиро был выше шести футов ростом, настоящий гигант среди мужчин, не говоря уже о тощих дипломатах, с которыми он обычно имел дело. Он всегда носил свои доспехи и носил с собой восьмифутовое канабо с шипами, что часто раздражало перья других высокопоставленных лиц. «Никто не поверит, что вы человек мира, если вы будете вести себя так, будто собираетесь на войну», — говорили они. Ответ Сейитиро всегда был одинаковым:

«Никто не может лучше говорить от имени мира, чем тот, кто лично стал свидетелем войны».

Это был не способ завести друзей, но отношения для него всегда были трудными. Десять лет назад он потерял жену, единственного человека, в которого когда-либо влюблялся. Юкихана был еще более молчаливым, чем он, и поэтому она была единственным человеком, которому он когда-либо мог доверять. Он был третьим сыном в своем клане и был в плохих отношениях с обоими своими братьями, один из которых женился на Юкихане из-за того, что он женился на Юкихане. под ним и другой за то, что вообще женился на ней. Столь же сложное место в его сердце занимала его пятнадцатилетняя дочь Беки. Она была единственным, что ему было дорого в этом мире, и поэтому он пытался защитить ее от всех уродливых истин мира. Однако все поездки, которых требовала от них его работа, подвергали ее гораздо худшим испытаниям, чем он был готов объяснить. Из-за этого ему было трудно вести с ней непринужденные разговоры.

Беки, всегда разговорчивый, энергичный, спокойный и открытый ребенок, заставил его почувствовать себя намного старше и циничнее. Каждый раз, когда она говорила о том, какие хорошие жители деревни, он хотел сказать ей, насколько жестокими и предвзятыми были их лидеры. Всякий раз, когда она говорила о том, насколько прекрасны традиционные городские ремесла, он хотел сказать ей, что все это подделка; худшие обманы всех великих вещей, которые были раньше. Он кипел, когда думал о том, как привел ребенка в этот развратный, ненавистный мир. Он ненавидел себя еще больше, когда поймал себя на том, что покупает одну из безвкусных безделушек для своей дочери, просто чтобы увидеть ее улыбку.

Он был духовным человеком, поэтому молился обо всем этом. Он молился о руководстве по вопросам, которые он представлял от имени своего короля и своей деревни. Он молился о безопасности для себя и своей дочери на долгих дорогах, которые они путешествовали. Он молился о душе умершей жены и о спасении собственной израненной души. Каждую ночь он молился об этом уродливом мире и о том, что сможет каким-то образом изменить его. Когда он не молился, не работал и не тренировался, он поймал себя на том, что разговаривает со своей

женой. Ему было приятно вспоминать ее и представлять, какой совет она ему даст. Даже после смерти она была его моральным компасом. Именно этим он и занимался сейчас: разговаривал с женой о своей последней дилемме, пока Беки крепко спала на своем футоне в другом конце комнаты.

— Что-то темное творится, Юки-чан. Король никогда не просил меня оставить Беки, — пробормотал он. Он создал маленькое синее пламя в своей руке, используя дзюцу освещения. Он представил, что это ее дух мерцает в его руке. Он услышал ее голос в своей голове:

«И ты отказался. Ты не доверишь своему королю?» Юки замерцала.

«Я не доверяю тем, кто при его дворе», — вздохнул Сейитиро. «Я сказал ему, что оставляю ее в деревне, с которой буду вести переговоры. Я сказал ему, что если я использую ее в качестве залога, они с большей вероятностью поверят мне в большой деревне».

«Значит, ты просто оставишь свою дочь на произвол судьбы Листа?» Юки обвинительно пылала.

«Я не знаю, Юки. На этот раз я не знаю. Никакие молитвы, медитации или что-то еще не дают мне ответа. Честно говоря, я даже не знаю, почему я это сказал», — заикаясь, сказал Сейитиро. . «Это просто вылетело из моих уст, когда я подумал о том, что Беки останется одна со всеми этими гадюками в суде. Я лучше устрою ее ученицей оружейного кузнеца на другом конце света, чем оставляю ее там. Они сгнил бы в ней все хорошее и превратил бы ее в пустую оболочку».

"Как ты?" Юки курил.

«Как и я», — вздохнул Сейитиро.

«Силы всегда загадочны, и мы не всегда можем видеть, куда нас направляют, Цукимори Сейитиро. Идите с верой, и мир не узнает, что вы когда-либо спотыкались». - сказал Юки.

— Ты прав, Юки, как всегда, — вздохнул Сейитиро.

— Иди, накрой девочку еще одним одеялом, — отругал Юки, крошечные языки пламени лизали его руки. «Я отсюда слышу, как стучат ее зубы».

Сейитиро улыбнулся и погасил пламя другой ладонью. Он подошел к ней, накинул одеяло на Беки (у которой стучали зубы) и сел спать, прислонившись спиной к стене и глядя на дверь.

...

«Зачем мне все это?» — спросила Беки, таща тележку с припасами. Глядя на нее, можно было сказать, что она из того же рода, что и ее отец. Она была более высокой, с длинными, стройными мускулистыми конечностями. Сейитиро, насколько мог, не допускал ее к активной службе, поэтому, хотя она и носила титул куноичи, Беки мало что видела в боевых действиях. Это сохраняло в ней мягкость, которой не хватало другим девушкам в ее ситуации. Другим свидетельством ее отсутствия на мероприятии были ее непристойно длинные волосы. Это было серебристое золото, пронизавшее большую часть линии Цукимори, густое, как львиная грива, и заплетенное в косу, доходившую ей до талии.

«Я не знаю, куда они в конечном итоге тебя поместят, и поэтому, помоги мне, Боже, я не хочу, чтобы люди говорили, что мы нищие». Сейитиро нахмурился. Чем дольше он размышлял о том,

чтобы оставить свою дочь с ниндзя Листа, тем больше он думал о том, чтобы найти для нее хорошего кузнеца, у которого можно было бы стать учеником. Некоторые из самых больших кошмаров в истории шиноби произошли из этой деревни: Орочимару, Мадара и Учиха Итачи. Не говоря уже о проклятых джинчурики, которые бегали вокруг, как городские любимцы. Все, что он мог представить, это то, как Беки раздавила гигантская оранжевая лапа.

«Я уверена, у них будет еда и туалетная бумага», — Беки посмотрела на припасы. «Я имею в виду, принеси приличную бутылку вина и, может быть, немного риса. Я не хочу оставаться с теми, кто расстраивается из-за того, что я использую их бумажные полотенца».

«Я просто хочу убедиться, что ты обеспечен», — сказал Сейитиро.

— Тогда возьми меня с собой, черт возьми. - сказал Беки. «Никто не должен знать. Я разобью лагерь в нескольких милях от города, когда вам понадобится войти».

«Король узнает, Беки, и я не могу отказаться от своего слова». Сейитиро сказал.

«Ты не самурай, папа, ты ниндзя. Ниндзя должны быть сплошь хитростью и обманом», — Беки лукаво посмотрела на него.

«Все, на что я годен, это мое слово, Беки. Это часть моего ниндо». Он объяснил. «Цукимори там, где он говорит, сражается там, где говорит, что будет сражаться, и всегда...»

«Стоит на своем», — закончил Беки. «Я знаю. Я знаю, знаю, знаю. Но я Асо-Цукимори. И их кредо было немного другим».

«Сожгите пепел и посолите землю», — улыбнулся Сейитиро. «И беги, если знаешь, что не сможешь победить».

«Я помню, как мама говорила это скорее как «Живи, чтобы сражаться еще один день и сражайся изо всех сил», — поправила Беки.

«Это была ее версия», — усмехнулся Сейитиро.

Над ними воцарилось молчание: Беки сосредоточился на том, чтобы не перевернуть повозку на каменистых проселочных дорогах, а Сейитиро размышлял о том, насколько человек похож на своего родителя, даже после того, как тот родитель ушел.

«А что, если они захотят держать меня под домашним арестом в какой-нибудь крошечной сырой квартирке, где за мной все время наблюдают жуткие старики?» — спросил Беки.

«Тогда ты сделаешь изящные маленькие занавески из простыней, которые я тебе купил», — сказал Сейитиро с невозмутимым выражением лица.

«Что, если мне с рисом дадут только натто и нори?» Беки заскулила.

«Тогда я принесу тебе много мятной жевательной резинки в следующий раз, когда буду в городе», — лицо Сейитиро исказило легкую улыбку.

«Ты невозможен. Ты даже не чувствуешь себя виноватым, оставив меня позади, не так ли?» — спросила Беки, надув губы.

«У меня не осталось особого выбора, Беки», — он посмотрел вниз, стыдясь своей неверности. «Король потребовал, чтобы вы остались, пока я веду переговоры по этой сделке, и я

беспокоюсь о ваших намерениях при дворе».

Беки смотрел на него долго и пристально. Подобные признания были редкостью со стороны ее отца, поэтому она смягчилась.

«Хорошо, если ты так говоришь. Я постараюсь вести себя хорошо. Но если они попытаются заставить меня есть натто, я устрою истерику». Беки улыбнулась.

«У вас есть мое разрешение», - он улыбнулся в ответ.

<http://tl.rulate.ru/book/3912/108643>